

Семинар А Избранное

Способы деления территории Тестирование формата

Участники: Николай Смирнов, географ, художник, куратор; Петр Владимиров, художник, архитектор; Оля Троицкая, дизайнер рабочей группы ЗП-2, Артур Туркули, программист рабочей группы ЗП-2; Женя Дёмина, фотограф, художник; Мария Бунеева, искусствовед, ассистент рабочей группы ЗП-2; а также участники архитектурной программы «Как я предал профессию»: Полина Глинкина, Анастасия Савельева, Кирилл Бережной, Елизавета Шатова, Кинфу Стефания Зенебе, Светлана Гулова и другие.

Настя Рябова (далее НР): Темой данной встречи являются подходы к делению территорий: в чём заключается идеологическая и практическая разница между ними, кто и каких точек зрения придерживается, кому они выгодны, а кому вредят.

(1) Первый Тезис

Коля Смирнов (далее КС): Мы затронем различные вопросы: зону межевания, военную топографию, науку, искусство. Ясно, что оперировать мы будем неустоявшейся терминологией, ведь даже географы толком не знают, что такое географическое пространство, место и территория. Существует, например, довольно много определений места. Скажем, противопоставление пространства и места в классической культурной географии у И-Фу Туана, или понятие «места» и «не-места» в сфере классического концептуализма и жанрового лэнд-арта — у Роберта Смитсона, или «не-место» у французского антрополога [Марка Оже](#). Всё это — разные трактовки, порой даже полярные.

И первый базовый тезис таков: любое деление территории можно назвать дискретизацией. Природа континуальна, а язык дискретен, потому что речь человека — это последовательность слов, линейная развёртка: так строится нарратив. Есть понятие «развёртка территории». Любое деление, районирование и дискретизация — синоним классификации — манипуляция в пространстве языка, то есть сама операция деления в основе языковая, происходит из его природы. В искусстве это — общее место. «Это не трубка», потому что это изображение трубки, как у Рене Магритта в его известной работе.

НР: В рассказе Фёдора Сологуба «Два Готика» этот тезис страшно и в то же время красиво подтверждается на каждой странице. Вот один из таких фрагментов:

«Подошёл Лютик.

— Готик, — сказал он, — ты грамматику забыл.

— Отстань, — досадливо ответил Готик.

— Правда. Ну, вот, я тебе докажу: у свиньи хвостик, а у лошади?

— Хвост, — ответил Готик.

— У стола ножки, а у тебя? — допрашивал Лютик.

— Ноги.

— Мальчик читает книжку, а студент?

— Книгу.

— Ванечка надел рубашку, а Иван?

— Рубаху.

— Ванька надел сорочку, а Иван?

— Сороку, — с размаху ответил Готик».

Интересно, что Готик по сюжету страдает раздвоением личности — разделением себя на две части. И всё это происходит вслед за раздвоениями, которые встроены в структуру каламбуров его брата.

КС: Аналогична разница между понятиями «пространство» и «территория». Территория всегда в пространстве языка, её нет в природе, это что-то, что уже есть на карте. Дискретизированное пространство.

(2) Тезис о том, что любое деление — это классификация в целях управления

КС: Естественно, человек начинает применять по отношению к земной поверхности фильтр языка, дискретизировать её, оцифровывать, делить на разные зоны, районы, урочища, фации — названий для этих ячеек множество.

Здесь возникает вопрос объективного и субъективного деления. Если мы принимаем первый тезис о дискретности языка, то вне человека деления быть не может. В науке Нового времени не было сознания этого факта, метапозиции. Поэтому и говорили о субъективном и объективном делении. Установка классических естественных наук такая: природа существует вне человека, у неё есть законы, и их можно узнать.

С мифом о возможности объективного познания различий земной поверхности отчасти связано возникновение идеологии пространства. И

здесь естественнонаучный миф «схлопывается» с мифом более древним. Есть такой термин — хорология. Хорос — греческое понятие, означающее место с уникальным набором качеств. О хорологии писал ещё Страбон, а в начале 20 века возникла хорологическая теория Геттнера. Кстати, это связано с формализмом, в то время многие науки и искусства сконцентрировались на своём медиуме, что проявилось и в географии, которая осознала себя как наука о пространстве. До этого пространство на протяжении 3–4 веков мыслилось как что-то однородное, заполненное предметами, но само по себе абсолютно нейтральное и безличное. Геттнер сместил акцент — пространство стало качественно разным в зависимости от расположения. Например, лес — это суть вот этого уникального пространства, и здесь даже время может по-другому течь. Ахиллесова пята хорологии в том, что она не учитывает время. Если мы начнём говорить, что 100 лет назад на этом месте было что-то кардинально другое, а до этого — что-то третье, то о какой уникальности можно говорить?

Маша Бунеева: Поясните, пожалуйста, что Вы имеете в виду, говоря об уникальности пространства?

КС: Например, здесь город, а там поле — мы понимаем различия между ними. Из этих различий и берётся уникальность. Учёные начинают вводить критерии различения. В физической географии есть целые шкалы, которые вкладываются друг в друга и образуют порой очень изощрённые древовидные классификации территориальных ячеек разного ранга: от земного шара до фации. Например, дно ямы — это фация, неделимая географическая единица. Но мы понимаем, что она неделима условно, просто есть такая конвенция, согласно которой дальше делить в рамках географии не имеет смысла.

Из хорологии можно извлечь много интересных вещей — например, географический детерминизм, попперизм. Пространство, понимаемое хорологически, можно субъективировать и даже онтологизировать — придавать ему статус некой сущности, и тогда это — идеализм и идеология пространства. Отсюда один шаг до различных спекуляций: культурных и политических. Но можно двигаться в сторону феноменологического понятия пространства, и здесь пространство уже неотделимо от человека, его тела и языка, это такой сложный материализм, некая метафизика тела. Различия между онтологизацией, идеологизированием и сложным материализмом порой очень непросто найти.

Теперь про субъективное районирование. В американской традиции деление вводилось для управления, оно сразу приобретало экономическую

функцию. В конце 19 века в связи с ростом городов появился термин «zoning».

Вообще, различные сугубо практические способы деления более разнообразны, чем научные. Есть термин «кадастр». Если кратко — это учёт земель из экономических соображений: у каждой территории существует кадастровый паспорт. Чтобы составить кадастр или другой учётный список, на местности проводят межевание. В допетровской России данные по землям вносили в писцовые книги, потом, при Екатерине II, был создан план генерального межевания. Это уже полноценный имперский проект. Именно в то время межевание стало проводиться с помощью геодезии и триангуляции.

До триангуляции межевание и разметка территории осуществлялись с помощью жезла и верёвки. Потом — с помощью мерных цепей. Всю Россию измеряли ещё до того, как в Сибирь пошли люди в кандалах, и это были люди с другими цепями (*смеется*). Цепи удобны тем, что длина отдельного звена не трансформируется под воздействием температуры, в то время как верёвка может порваться или деформироваться.

Оля Троицкая (далее ОТ): Цепи же часто используют для ограждения, натягивают от одного столба к другому как декоративный элемент. Интересно, есть ли здесь какая-то связь?

КС: Возможно, это подсознательные останки, руины мерных цепей. Заменявшая их операция триангуляции проводится так: на местности находят 3 точки, стоя на одной, ты должен через теодолит — измерительный прибор — завизировать другую точку. Потом в этих точках ставятся геодезические сигналы — вышки. Вся Россия в этих вышках.

Шаг триангуляции определяется видимостью и перепадом высот. В городе вышек нет, вместо них — геодезические пункты. В Сибири, конечно, реальные вышки: когда ты под неё встаёшь, то видишь по центру внизу пломбу, на которой выбита высота над уровнем моря.

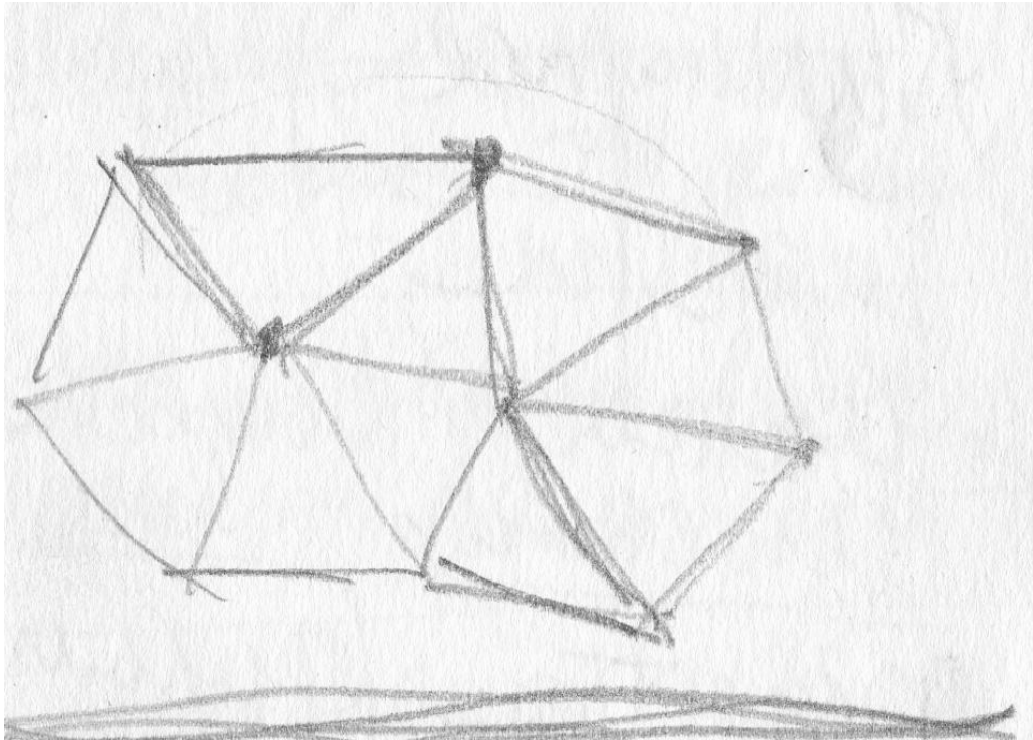
НР: Можно ли найти геодезические пункты в городе?

КС: Я не знаю.

НР: Для нас они могли бы стать точками отсчёта. А геодезическая разметка связана с логикой объективного знания?

КС: Конечно. Это логика картезианского субъекта, лишённого тела. По сути, разум просвещения натягивает на поверхность Земли сетку из треугольников, которые складываются в шестиугольники.

НР: Так?

(Рисует:)

НР: Невероятно! Получается, что геодезические пункты расположены по вершинам треугольников.

КС: Геодезические сферы были очень распространены в 70-е годы, хиппи их очень любили. Это образ Земли, покрытой сеткой. Земля, которая полностью измерена, просчитана, и мы можем теперь ею управлять.

НР: Коля, ты ведь провёл большое исследование в рамках выставки «Метагеография», посвящённое этой форме.

КС: Да, в том числе там было два фотофильма, рассказывающих об истории и идеологии геодезической сферы в СССР и США в XX веке

Вот они:

Фотофильм «Линия DEW»

Фотофильм «Геодезическая утопия»

(4) Тезис: пространство пространству рознь

КС: Есть пространство повседневности, измеримое, картезианское пространство, феноменологическое пространство. Лефевр и психогеографы занимались пространством феноменологическим. Это — противопоставление города-архитектуры и города-скульптуры. У психогеографов идеалом был замок почтальона Шевеля, также они

говорили про трущобы — всё это пространства, которые как бы выращены телами, соразмерны им, наподобие раковины улитки. Когда Лефевр говорит о репрезентации пространства, он подразумевает картезианское пространство, абстрактное пространство управления, которое нужно преодолеть, расшатать. Пространство репрезентации — культурное пространство, город-скульптура. Ещё есть пространство жизни, повседневности. Лефевр сводит все эти 3 понятия в единое, трёхсоставное пространство, которое сложным образом «производится». Как ни странно, в этом есть своя скрытая метафизика.

Во всяком случае, исключительно телесные, партикулярные практики сегодня, когда образовался разрыв между локальным, телесным пространством и глобальными абстрактными системами, его определяющими, уже не так действенны. И здесь больше подходит когнитивное картирование этих структур, как утверждает Фредрик Джеймисон, или общедоступные технологии, которые способны репрезентировать глобальное, о чём пишет, например, Ник Срничек.

(5) Тезис, сметающий любые границы на своём пути

НР: Территориальная экспансия — это попытка обмерять и начать управлять. А были ли попытки монополизировать обмер или предложить универсальную систему?

КС: Это общая мечта Нового времени. Когда были совершены великие географические открытия, появился глобус. Человек с глобусом в руке — новый титанический образ. Были изобретены более точные геодезические инструменты, после чего состоялась английская великая тригонометрическая экспедиция в Индию. Все колонии начали измеряться. Этнография — это триангуляция по отношению к людям, ботаника — по отношению к растениям. И всё это — формы классификации и учёта. В начале 20-го века родилась геодезическая утопия большевиков. На картах того времени можно прочесть лозунг: «Красная армия сметёт границы, разделявшие страны!»

НР: Они хотели отменить существующее деление территорий, но наверняка вводили другие критерии.

КС: Они просто измеряли, у пространства осталось одно качество — протяжённость. В каком-то смысле это был апогей модернистского отношения к пространству. Полное отрицание его индивидуальных черт, «смерть быту», преодоление национального пространства и «власти земли». Вместо конкретных мест — какое-то «где-то».

НР: Если бы политические границы были отменены и их идеи распространились на весь земной шар, а режим всё равно бы заморозился, то границы до сих пор проходили бы по стороне гектара, по сетке?

КС: Отчасти так и произошло. Административно-территориальное деление СССР довольно произвольно. Это был большой ранне-советский проект. Отвечал за него географ Н. Н. Баранский. Он ввёл понятие территориального комплекса. Это значит, что советские географы всё же пытались выделить связи, которые существуют между районами. Мы до сих пор живём с этими границами, в большинстве случаев они окостенели, натурализовались, стали реальными границами. Деление территории — это её производство. Ограничение как создание. Невидимая стена рано или поздно станет видимой. В том числе здесь сыграл роль сталинский картографический реализм.

НР: Попытка представить изобретённое деление как изначальную данность?

КС: В СССР до 50-х годов даже была своя геология. Я говорю про фиксизм и мобилизм. Разница в том, какие геологические силы признать доминирующими: вертикальные или горизонтальные? Теория литосферных плит и мобилизм говорят о том, что у Земли есть твёрдое ядро, над ним — расплавленная мантия, и по ней горизонтально плавают твёрдые кусочки, материки, которые медленно дрейфуют. Там, где они сталкиваются, образуются горы, там, где расходятся — желоба. В СССР довольно долго геологи утверждали, что вертикальное движение доминирует над горизонтальным. Зона гор всегда была зоной гор, и она всегда была связана только с ядром. Ядро как узловой район.

НР: Как они доказывали это?

КС: Не знаю. Были специальные академики. В геологии сложно что-то доказать. Между этими двумя школами шли свои интеллектуальные баталии.

НР: Так или иначе, в делении всегда есть какие-то привязки. Гора или река может поделить район на 2 административно-территориальные части. А какие ещё подобные случаи ты можешь вспомнить?

КС: С одной стороны, река объективна как граница. Если почитать классику, то встретятся эпизоды, когда дворянин скачет на лошади, видит реку или опушку леса, а там уже чужая территория. А в городе меньше памяти: всё постоянно перекраивается. Реки убираются под асфальт. С другой стороны, могут не учитываться более серьёзные структуры. Река

может течь по равнине, которая, относительно окружающих её гор, является чем-то цельным. Территориальное деление костенеет довольно быстро. В центральной полосе России часто встречается ситуация, когда дороги обрываются на границе областей. Об этом писали географы Б. Б. Родоман и В. Л. Каганский, а я проверял это на границе Ярославской и Вологодской областей. По мере приближения к границе дорога становится всё хуже и хуже, а потом её и вовсе нет.

НР: То есть границей областей является отсутствующая или сужающаяся дорога?

КС: Это — «ничейная» земля.

НР: Есть метод волонтаристского деления территории. Как правило, это властное решение со словами: «Я поделю так». В случае со сталинским картографическим реализмом это действительно так.

Хрестоматийный пример из советского учебника по истории архитектуры повествует о том, как распродалась земля в недавно открытой Америке. Колонизаторы поделили земли на куски: так было проще вести учёт и продажу. Или с точки зрения ресурсов: определённое количество золота в земле — это и есть мера.

Но вот интересно, что уже много веков существуют свободные порты, из которых выросли особые экономические зоны. В них капитал официально волен функционировать по наднациональным законам поверх видимых и невидимых границ, часто вообще без чёткой системы регуляции отношений между людьми, делая обитателей — обслуживающий персонал и жителей — по сути бесправными. К 70-м годам XX века на их основе возникли свободные экспортные зоны. С утверждением, что любое деление напрямую связано с интересами владения, сложно поспорить. И сегодня мы сталкиваемся с ситуацией, демонстрирующей нам силу неделимых надграницных территорий. К ним мы приближаемся по дорожкам, которые вымощены хитрым расщеплённым субъектом.

(6) Финальный Тезис «Между прочим»

НР: Что, если разобрать отношения с пространством какого-то конкретного художника и то, каким образом он его делит?

ПВ: Могу предложить работу Леонида Войцехова «Между прочим». Во время квартирной выставки он сидел на пне, а вокруг были разложены листы бумаги. На них была написана фраза: «Между прочим». Он сидел молча — «Между прочим, я тоже вот тут сижу».

Леонид Войцехов, акция «Между прочим», 1983

НР: Это напоминает трон. Трон имеет пространство подхода к нему, помимо самого себя. Чем ближе к трону находятся люди, тем они «статуснее». Есть иерархия удалённости от трона. Здесь пень — тоже трон, и есть зонирование пространства иерархией.

КС: Есть зона «между» — между ним и всем прочим.

НР: А сколько он там сидел?

ПВ: Это не уточняется.

НР: Это материальное деление. При помощи бумаги всё обозначено. Почему — это для нас загадка. А, может, он произвёл субъективность?

КС: Есть субъект, и зона между ним и зоной других субъектов. Тоже самое делается при zoning и межевании.

ПГ: Он идеально выбрал место. Там были люди всех категорий. Плюс игра слов — «между прочим», «между объектами».

НР: Выставка квартирная, то есть в какой-то комнате, квартире, городе, стране. Почему в частном пространстве такая работа? Это 90-е годы?

ПВ: Это 80-е, и это в его квартире.

НР: Представьте себе эту ситуацию. В начале 80-х годов квартирные выставки делали совсем по другим причинам, нежели сейчас.

ПГ: Все в большинстве своём живут в квартирах. Многие захламляют их, тащат всё в дом. А тут он сидит, живой, говоря: «Я есть». Отмежевание от общественного.

КС: Отмежевание от быта. «Между прочим», между бытовыми вещами находится искусство. Почему нам важны эти обстоятельства?

НР: Я хотела применить сетку социологии искусства. Хотелось социологизировать искусство, точно так же, как мы рационализируем пространство. Я хотела свести «Я художник, Я так хочу» к чёткой детерминации. (Ниже мы проделаем то же самое с виртуальным пространством). Вернуть художественному жесту материальные основания, но прежде совершив обратный ход. Сначала в материальном пространстве возникает эстетический объект, а потом мы возвращаемся и пытаемся его воспринимать уже с учётом этих категорий.

КС: Важно знать, что это его квартира, и было ли там другое искусство.

ПВ: Да, это была групповая выставка. 3-4 человека, не более. Круг был замкнут. Закрытый от общества людей круг. Это особый контекст. Они при этом общались с ворами в законе, например. Это была одна тусовка.

(7) Визирование на Семинар Б

НР: У Оли Троицкой есть опыт по работе с виртуальными картами в качестве дизайнера. Оля, может быть, ты скажешь пару слов о проекте, который вы делали для Casco?

ОТ: Всё начиналось с того, что они хотели измерять свою институциональную деятельность не через отдельных людей, проекты, сообщества, а через взаимоотношения, определяя какой-то проект не как точку, а как линию, связывающую разные элементы или акторов. Когда ты находишься в разделе проектов, ты можешь посмотреть, как организмы — мы их так называем — взаимодействуют между собой через серию идей, методов и через сами проекты. Мы разработали наборы карт, которые, в теории, должны были меняться в зависимости от проекта, как-то размышлять о действующем проекте, с которым работает Каско. Какие-то карты относились к физическому пространству, какие-то — нет. Но в центре всегда находится Каско. Они хотели видеть себя через очень сложную структуру, которая вроде бы существует, но в то же время и нет. Больше всего это похоже на проекты ментальных карт Стенли Эдмунда Брауна, который просил людей нарисовать пространство так, как они его видят.

КС: Это похоже на ГИС — геоинформационную систему. Мы оперируем некоторым ментальным или концептуальным пространством, в узлах сети может располагаться что угодно — архитектура, человек, идея, слова. Это не деление, а создание пространства. Любое деление — это создание, но это не совсем аналогичные операции.

НР: Мы планируем встречу, посвящённую архитектуре виртуального пространства, в частности, архитектуре компьютерных игр. Семинар Б внутри Теоретического Слая так или иначе посвящён этой теме. У меня вопрос отчасти к программисту и дизайнеру Артуру Туркули. Структуру сайта называют архитектурой, сайт обладает своей картой. И там ведь тоже возникают географические термины.

КС: О виртуальных пространствах говорят точно так же, как и о реальных.

ПГ: Я недавно делала сайт, его архитектуру. Это действительно отдельное пространство, которое чётко продумано. Прокладывается траектория случайно зашедшего пользователя. Мы пытаемся выстроить его дальнейшие действия, и в зависимости от этого ведётся проектирование.

НР: Можно навязывать пользователю генеративный маршрут. Не только так, как работает гиперссылка — из точки А в точку Б, а сложнее. И мы сошлись на том, что виртуальное пространство приравнено к реальному. То есть раньше всё-таки виртуальное копировало реальное, а сейчас, когда все уже к этому привыкли, оно стало ближе к реальности. И отсюда у меня вопрос: какими будут системы деления при проектировании виртуального пространства? Есть ли в области веб-программирования определённые шаги деления пространства?

АТ: Я бы сравнил это с картами. Есть определённые поведенческие маршруты, паттерны, которые уже проложены за тебя.

ЖД: Также есть юзабилити. Там используются алгоритмы, заложенные в человеке. Лево-право. UX-дизайн.

НР: Мой вопрос про другое. В реальном пространстве есть единицы деления маршрутов — километры, длина пути.

ЖД: Возможно, таким аналогом может стать длина запроса? Или количество кликов? Но это всё снаружи. Внутри — это запрос. Он может быть очень длинным или очень коротким. Один и тот же внешний путь внутри может выглядеть очень длинным и очень коротким. Это одно из измерений. Запрос в системе... Кликаешь — браузер начинает читать код.

НР: То есть размер кода?

ЖД: Да, можно получить 4, сложив 2 и 2, а можно задать множество действий — 50 минус 40 плюс 30 разделить на 2, и так далее. И получить то же самое. Разные алгоритмы приводят к одному результату.

КС: Знаете, мне кажется важным то, что сказал Артур про карту. Сайт — это тоже язык, как и карта. Правомерней сравнивать географическую карту с виртуальным пространством, чем с путём в реальном пространстве. Если говорить о физической подоснове, лучше говорить о серверах...

АТ: Или о виртуальной реальности в широком смысле?

ЖД: Любая система, и в виртуальном пространстве, и в реальном, — это таблица, состоящая из объектов. Каждый объект — это сумма команд, имеющих название. Они взаимодействуют. Это очень-очень большая карта. Когда вы что-то видите, вы ходите по таблице объектов, которые друг с другом взаимодействуют при помощи определённого языка.

КС: И обычные карты тоже составлены на языке, который гораздо проще языка программирования.

НР: В виртуальном пространстве метр — уже не метр, он может преодолеваться с помощью очков виртуальной реальности, то есть можно нарушать объективные пространственные данные. И на этом во многом основана иллюзия того, что это какой-то ставший реальным фантастический мир. Когда мы возвращаем это виртуальное схлопывание к таблице, которое существует по аналогии с картой, мы понимаем, что на самом деле у всех этих фантастических миров есть материальная подоснова. И это делает виртуальное пространство политическим.

КС: Виртуальная реальность — это гиперреальность цифрового мира. Точно так же, как карта может быть гиперреальностью. Политически будет верно обратиться к материальному. К серверам и проводам. В какой-то стране их обслуживают люди — это и будет аналогом реального пространства. Уровни: физическое пространство — карта — гиперреальность. А здесь — сервер, код и виртуальная реальность. В случае виртуальной реальности очень сильные разрывы, и ни у кого не возникает иллюзий. А в случае окружающего пространства, ландшафта эти разрывы незаметны, большая часть людей не обращает на них внимания.

Люциус Бурхардт, «Ловушка ландшафта», 1986